

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПИСЬМО РЕВОЛЮЦИОНЕРУ

(Журнал "Толстовский Листок - Запрещенный Толстой", Выпуск пятый, Издательства "Пресс-Соло" и "Академия", Москва, 1994. OCR: Габриел Мумжиев)

Получил ваше интересное письмо и очень рад случаю ответить на него.

Вы говорите, первое, что правильно понятый эгоизм - это благо для всех, и что эта истина с разрушением старого строя быстро войдет в сознание людей. А как только истина войдет в сознание людей, так и наступит общее благо. Второе то, что ум человеческий может придумать условия общежития, при коих эгоизм одного человека не будет вредить другому. И третье то, что при этих придуманных условиях общежития, может, как вы выражаетесь, иметь место до известной степени и элемент принуждения, т.е. что для того, чтобы люди исполняли требования придуманного теоретиками наилучшего устройства, можно и должно употреблять насилие.

Три положения эти признаются одинаково всеми учеными, политиками и экономистами нашего времени. Ученые теоретики только не так откровенно, как вы, высказывают их. На этих трех положениях, основаны рассуждения сотен, тысяч людей, считающих себя руководителями человечества. А между тем все три положения эти суть не что иное, как самые странные и ни на чем не основанные суеверия. Не говорю уже о произвольности утверждения о том, что эгоизм, т.е. начало раздора и разъединения, может привести к согласию и единению, ни о странности столь распространенного суеверия о том, что небольшая кучка людей, большей частью не лучших, а худших, может придумывать наилучшее устройство жизни для миллионов людей, само допущение употребления насилия для введения придуманного устройства, тогда как таких придуманных устройств сотни противоположных одно другому, уже ясно показывает всю безосновательность этих странных суеверий.

Люди видят несправедливость и бедственность положения рабочего народа, лишенного возможности пользоваться произведениями своего труда, отбираемыми от него меньшинством властвующих и капиталистов, и придумывают средства изменения и исправления этого положения огромного большинства человечества. И вот для изменения и исправления такого положения предлагаются различными людьми различные приемы общественного устройства. Одни предлагают конституционную монархию с социалистическим устройством рабочих, есть и такие, которые отстаивают неограниченную монархию, другие предлагают республику с различными устройствами: меньшевики, большевики, трудовики, максималисты, синдикалисты, третьи предлагают прямое законодательство народа, четвертые - анархию с коммунальным устройством и мн. др. Каждая партия, зная наверно, что нужно для блага людей, говорит: только дайте мне власть, и я устрою всеобщее благополучие. Но несмотря на то, что многие из этих партий находились или даже и теперь находятся во власти, всеобщее обещанное благополучие все не устраивается, и положение рабочих продолжает одинаково ухудшаться. Происходит это от того, что властвующее меньшинство, как бы оно ни называлось, неограниченной монархией, конституцией или республикой демократической, как во Франции, Швейцарии, Америке, находясь во власти и руководясь свойственным людям эгоизмом, естественно употребляют эту власть для удержания за собой посредством насилия трех выгод, которые приобретаются, как в ущерб рабочего народа. Так что при всех революциях и переменах правлений переменяются только властвующие: на место одних садятся другие, положение же рабочего народа остается все то же (Людям, сомневающимся в том, что положение рабочего народа везде по существу одинаково несправедливо и дурно и не улучшается, а ухудшается, советую прочесть прекрасную книгу Лозинского "Итоги Парламентаризма". Так это было во Франции, в Англии, Германии, Америке, так это теперь с особенной очевидностью проявляется в России. Теперь верх одержала деспотическая партия, и она естественно употребляет все свои силы на борьбу с противными партиями и не заботится об улучшении положения народа. Если бы верх был за конституционалистами, было бы тоже самое: они боролись бы с реакционерами и социалистами и точно так же не заботились бы об улучшении положения народа. То же бы было, если бы верх был за республиканцами, как это и было во Франции при Большой и всех последующих революциях, как это происходило и происходит везде. Как только дело решается насилием, насилие не может прекратиться. Насилюемые озлобляются против насилюющих и, как только имеют к тому возможность, употребляют все свои силы на борьбу с теми, кто насиловал их. Происходит это потому, что, при решении дела насилием, победа всегда остается не за лучшими людьми, а за более